

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ВЕРНОСТЬ

У АКТРИСЕ Тульского драматического театра имени М. Горького Александре Соловьевой писали много и в областной, и в столичной печати: театральная критика замечала ее едва ли не с первых шагов на сцене и не упускает из поля зрения до сегодняшнего дня, когда исполняется двадцать пять лет ее творчества. Яркое дарование, красивый голос, сценическое обаяние, а также неукоснительная верность родному театру и городу, в котором она родилась, выросла, и куда вернулась, окончив театральное училище имени М. С. Щепкина, чтобы остаться верной ему навсегда, сделали ее любимой дочерью Тулы. Тульские любители сцены почувствовали в молодой актрисе не просто талант, а особую глубину, демократичность его, честность и серьезность каждой работы. Все это помогло Соловьевой стать в Туле чуть больше, чем популярной — ее, как близкую, знакомые люди называли Сашенькой, Сашей, и теперь зовут, как знакомую — Александрой Ивановной, и она по-прежнему хранит верность и своим тулякам, и своему идеалу работы актера: честность, серьезность, простота.

Сколько сыграно за четверть века ролей, сколько прожито судеб, ставших близкими, — трудно сосчитать. Но до сих пор живо яркое впечатление в памяти тульских театралов: юная Александра Соловьева, блистательно сыгравшая цыганку Машу в «Живом труп». Черноглазая, с вьющимися тяжелыми косами, она то пела цыганские песни низким, проникновенным голосом, то зажимала всех пляской, так что нельзя было не верить словам Феи Протасова: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...» А потом откровенно требовала денег «для своих», и во всем этом светились ее целомудренность, чистота, беззаветная любовь

и отчаянная самоотверженная готовность бороться за любимого...

До Маши Соловьева сыграла в Туле уже немало ролей, и все-таки как Актриса она, думается, началась отсюда. Работала Александра Ивановна над этой ролью долго и мучительно. Позже она рассказывала об этом так:

— Наверное, каждому из актеров знакомо такое: все, кажется, делаешь правильно и в то же время понимаешь, что образ не стал твоим, что между тобой и героиней есть расстояние. Долгое время я не могла ощутить внутренний ритм существования Маши и потому чувствовала некоторую неловкость, когда мне нужно было петь, плясать, говорить с акцентом. Была в моем поведении неорганичность, неправда — в том, как я ходила, говорила... Я вспоминала и повторяла разные сцены из произведений Толстого, многое начинала понимать глубже, но... И однажды, это было на гастрольях в Виннице, помню, я шла парком. Налетел сильный теплый ветер, все пришло в движение, преобразилось. Ветки деревьев стали похожи на птиц, парк словно превратился в живое существо, которому тесно, душно, хочется улететь... И вдруг я все поняла, я ощутила Машу, увидела такой, какой сыграла. Это была минута откровения. Моя героиня сама — как порыв ветра, живет она на пределе чувств, ее сильная, мучительная любовь к Протасову — это и горе, и радость, это смысл ее жизни. Играли мы «Живой труп» долго, но каждый раз, когда я становилась Машей, было такое чувство, словно бросаюсь в воду и меня уже не существует, и есть только моя героиня...

«И меня уже не существует...» Этого Соловьева в дальнейшем добивалась во всех значительных, захватывавших ее полностью работах, среди которых запомнились тулякам гордая, удалая и сломленная наконец Анисья Молокова в спектакле «На золотом дне» Д. Мамина-Сибиряка, своеобразная, бесшабашная и мечущаяся Лушка в «Поднятой целине» М. Шолохова... Новой гранью заблестало дарование актрисы в роли революцио-

нерки Жанны Барбье в спектакле «Интервенция» по пьесе Л. Славина. Маша, Анисья, Лушка были сродни друг другу тем, что жили исключительно в своем индивидуальном мире чувств, душевных переживаний. Теперь А. Соловьева создает характер гражданственный, героический. За внешним спокойствием, обаятельной улыбкой, милой кокетливостью этой эффектной француженки — неослабная тревога, напряжение. Ей необходимо убедить французских солдат — интервентов не стрелять в русских рабочих... В образе Жанны — Соловьевой мы видим бесстрашную решимость, пламенный темперамент, которые заставляют солдат поверить ей.

Десять лет напряженного творческого труда завершились для А. Соловьевой большой радостью — она была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

Следующие годы были достаточно сложными для артистки. Из «героини» она неожиданно рано перешла на «возрастные» роли, а это не всем и не всегда дается безболезненно. Однако в «Птицах нашей молодости» И. Друце, играя эпизод, она блеснула таким проникновением в глубину народного характера своей Артины, сыграла с такой пронзительной болью, что эпизод стал одним из самых ярких в спектакле. Немолодая крестьянка в темном платке по самые брови, в толстой телогрейке и сапогах, она приходила к подруге, чтобы та погадала ей: а вдруг на сей раз карты скажут, что еще вернется ее муж, тридцать лет назад ушедший на войну. Казалось, какие уж могут быть в ее душе нежности — вышло все... А заговорила — с такой тоской, с такой надеждой, и будто возникла прежняя Артина — красивая, полная сил и любви, молодая жена. И все увидели и поверили, что все еще жива ее большая, неистощенная любовь к пропавшему без вести мужу, все еще ждет его Артина... И еще сидевшие в зале поняли, что не только об Артине рассказала актриса — она говорила обо всех женщинах, не дождавшихся с войны своих любимых, о жен-

щинах, терпеливо продолжающих ждать. Они работают, растят детей, ставят их на ноги, играют их свадьбы... Поблекли щеки Артины от слез, сморщились и огрубели руки, ссутулилась спина, но не покинула Артину надежда. И темной ночью, забыв о своих немалых уже годах, что последнюю дочку отдает замуж, бежит она погадать: не пообещают ли карты возвращение? И трогательна ее боязнь — а вдруг, вернувшись, забудет муж спросить, сохранила ли она ему верность.

Шли месяцы, годы, приходили все новые и новые роли, и каждую она старалась прожить, до конца понять и полюбить душу своей героини. И кого бы она ни играла, при всей внешней и внутренней несхожести своих героинь на сцене и в кино (у Соловьевой три роли в фильмах — «Дом и хозяин», «Путина», «Будни уголовного розыска») — всех их объединяет главное в творчестве актрисы: она постоянно сохраняет в себе и несет от роли к роли ощущение истинно русской, глубокой и самоотверженной, бескорыстной и преданной женской души. Это дано актрисе природой от рождения, впитано с молоком матери, внушено бабушкой, русской крестьянкой, выраставшей шестерых детей и имевшей один бесценный талант — талант любви и доброты. Это качество бережно сохраняет и культивирует А. Соловьева, и оно делает ее творчество столь притягательным...

А потом Александра Соловьева вновь заблестала «молодыми» ролями, да как ярко, в новой манере, как неузнаваемо! В мае 1974 года театр поставил «Тульский секрет» — своеобразное переложение В. Константиновым и Б. Рацером знаменитого лесковского сказа о тульском Левше, подковавшем «аглицкую» стальную блоху, в музыкальную комедию на музыку В. Дмитриева. Веселый, пародийный, пронизанный современными ритмами, лирическими и озорными песнями, куплетами и танцами, этот спектакль нес в себе нечто очень важное — наше восторженное отношение к мастерству тульских умельцев, к их своеобразному, глу-

боко народному духовному миру. Он словно угадывал в глубине времен родные нам лица и слова и в то же время остроумно пародировал современные характеры и нравы. В этом спектакле было «что играть», можно было блеснуть, и артисты блистали несколько лет, сделав спектакль своеобразной визитной карточкой тульского театра. И неизменное восхищение зрителем вызвала А. Соловьева, игравшая «азнобу» Левши Машку и одновременно английскую соблазнительную Мери, то искренней лиричностью, то озорной эксцентричностью, голосом, пластикой, словно вернувшейся к ней юностью...

Многие из этих качеств она перенесла в образ Пенелопы, — спектакль с этим названием до сих пор любим туляками, они ведут на него своих гостей, сами смотрят по нескольку раз, и вновь покорила их актриса мастерством, пением, бесконечным обаянием...

Среди последних работ А. Соловьевой особенной глубиной и значительностью выделяется Раиса в «Белорусском вокзале». Актриса создает образ истинно русской женщины, которая и сейчас, в мирные дни осталась все той же «сестрой милосердия». С такой неподдельной радостью встречает она своих бывших фронтовых друзей, своих ставших седыми «ребят», так искренне ее горе, когда она узнает о смерти Матвеева, любовь к которому она пронесла через всю жизнь! Все свое волнение, все охватившие ее чувства она вкладывает в песню, которую поет по просьбе друзей, самых дорогих и близких... Эта сцена — одна из лучших в спектакле.

Двадцать пять лет творческой деятельности... Юбилей — это не только демонстрация всеобщей любви и признания, это и выражение надежд, потому что актриса полна и сил, и желания работать, и вполне владеет всеми тайнами мастерства, прекрасной профессии, выбранной ею в юности раз и навсегда. И зрители ждут сегодня от Александры Ивановны Соловьевой новых значительных и интересных работ. Мы видим ее в классике — то ли в роли Кручининной (это ее давняя мечта), то ли в других ролях; мы видим ее нашей современницей. Главное, чтоб она всегда была на сцене, такая же, как прежде и теперь — искренняя, душевная, верная своему идеалу прекрасной русской женщины.

Л. НОСКОВА.

На снимке: А. И. Соловьева.